

© 2016 г.

О.В. ПАВЛЕНКО

ПАНСЛАВИЗМ И ЕГО МОДЕЛИ

Панславизм возник в 40-е годы XIX в. как европейский феномен. Из всех разновидностей европейских национализмов именно панславизм вызывал наиболее острые общественно-политические дискуссии в XIX–XX вв. Его пытались осмыслить и использовать политические мыслители, государственные мужи, дипломаты. Спектр восприятия панславизма был широк: от боязни возглавляемого Россией славянского нашествия в Европу, которое уничтожит европейскую цивилизацию, до мечтаний о славянском омолаживании старушки-Европы. Так или иначе, различные версии панславизма строились по линии “Россия – славяне – Запад”. Все панслависты были ориентированы на Европу и вбирали в себя европейские черты этнокультурной интеграции.

В настоящее время некоторые национальные историографии славянских стран пытаются забыть о панславизме, как будто это понятие не использовали широкие общественные движения, политические партии и публицистика в Австрийской монархии, на Балканах и в России, будто бы не было острого противостояния между панславистами и пангерманистами, не велись споры о его роли в развитии славянских наций эпохи модерна.

Историографические дискуссии времен “холодной войны”, которые разгорались на Востоке и Западе Европе вокруг славянской идеологии и влияния России в мире, ушли в прошлое. Интеллектуальные предпочтения сегодня сместились в сторону новой имперской истории, новой культурной истории, коммуникативных практик. Тем интереснее без идеологических стигматов взглянуть на историю этого понятия и его многообразные воплощения в дипломатии великих и малых держав, политической конкуренции славянских народов, их восприятия друг друга, политических иллюзий и разочарований.

В рамках одной статьи невозможно описать все эти сложные процессы, о которых за полтора века написаны сотни трудов. Нас будет интересовать эволюция самого понятия “панславизм” в интеллектуальных и политических текстах XIX – начала XX в. слова и смыслы, которые определяли многочисленные и противоречивые, мессианские и фантомные представления об общности судеб славянских народов. При этом мы будем исходить из определения американского историка Л. Снайдера, который назвал панславизм “одним из наиболее значительных и ранних проявлений макронационализма в Европе”¹.

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, завкафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), проректор РГГУ по научной работе (Москва, Россия).

Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта 315-18-30087 “Россия – Европа: веки совместной истории в коллективной памяти XIX–XX вв.”

¹ Snyder L.L. Encyclopedia of Nationalism. New York, 1990, p. 209.

“ИСТИННЫЙ ПАНСЛАВИЗМ” ИЛИ “РАЗНООБРАЗИЕ В ГАРМОНИИ”

Впервые слово “панславизм” появилось в труде евангелического проповедника Я. Геркеля, словака по происхождению. Его грамматика общеславянского языка была издана в г. Будае в 1826 г. и провозглашала “союз в литературе между всеми славянами”, т.е. “истинный панславизм”². Геркель пытался доказать необходимость создания общего языка на основе всех полузабытых тогда славянских языков. В первоначальном значении слово “панславизм” использовалось как код культурного единства австрийских славян. Лингвистический эксперимент, задуманный Геркелем, ограничивался пределами Австрийской империи, где славянская культура находилась в плачевном состоянии. Осознавать себя славянином в те времена означало бросить вызов полностью германизированному обществу. Имперская власть в Австрии, под скипетром которой находились венгерские, румынские, итальянские и славянские земли в Центральной Европе и на Балканах, с большим подозрением относилась к любым проявлениям национальной индивидуальности. На официальном уровне признавался только “государственный австро-немецкий народ”, интерес к национальным формам идентичности расценивался как опасный сепаратизм.

Ученый-славист из Богемии П.И. Шафарик в 1826 г. сетовал на большое количество сочинений немецких авторов с предвзятыми суждениями о славянах³. Его соотечественник, словацкий интеллектуал Я. Коллар в 1837 г. посвятил главу своего трактата “О славянской взаимности” вопросу о том, как европейцы относятся к славянам. Вывод был малоутешительным: славянство, по мнению Коллара, считали “чудовищем, которого следует опасаться”. Коллар с горечью писал: “Мир против славян... До сих пор есть еще в Европе народы, которые в каждом славянине видят своего врага, любого славянского писателя, живущего с ними в одном государстве, считают предателем и любую славянскую книгу расценивают как преступление против собственной литературы”⁴. Трактат Коллара, изданный на немецком языке в Пеште, стал пользоваться большой популярностью среди славянских профессоров и студентов; его называли “славянским евангелием”. Это был первый манифест, провозглашавший право славян на свою историческую индивидуальность.

Смелый поступок Коллара удивлял и восхищал: в Австрийской империи нормой было дискриминационное отношение к славянам. В начале 1840-х годов этноним “чехи” не был признан официально. Пражский публицист К. Гавличек активно пользовался им в своих патриотических изданиях, тем самым бросая вызов многочисленным австро-немецким газетам, которые откровенно издевались над этим словом. “Чехов” называли “упертыми богемцами”, им приписывались косность, замшелость, бескультурие.

Австрийский исследователь А. Готтсман провел анализ австро-немецкой публицистики накануне и во время революции 1848–1849 гг. Ему удалось реконструировать стереотипное восприятие “чеха” в немецкоязычной среде: “Талантливый, деятельный, спокойный народишко, но коварный, фальшивый, твердолюбый, раздражительный и жестокий”⁵.

Понятие “панславизм” Коллар, как и Геркель, понимал в широком культурном контексте, как “охватывающее всех славян и по своему содержанию касающееся всех

² *Herkels J. Elemencia universalis linguae Slavicaevins dialectis eruta...* Budaae, 1826, s. 4; *Матевчик А. Ян Геркель и его идея славянского литературного единства.* – L’udovid Stur und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969, S. 27–31.

³ *Schafarik P.J. Geschichte der Slawischer Sprache und Literatur.* Budin, 1826, S. 46–47.

⁴ *Kollar J. Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen der verschiedenen Stammen und mundartender slawischen Nation.* Pesth, 1837, S. 103.

⁵ *Gottsman A. “Slokböhmen“oder „Russenknechte“? Das Bild der Tschechen in der deutschsprachigen Presse Österreichs im Revolutionsjahr 1848–1849.* – Österreichische Osthefte, Wien, 1992, № 2, S. 284.

славян”⁶. Изначально оно относилось к социокультурным категориям, которые формируют горизонт ожиданий, описывают желаемое состояние общества в будущем. Это была большая общеславянская утопия, гармония общих ценностей. Наряду с понятием “панславизм”, Коллар ввел в политический дискурс понятие “славянская взаимность”.

Аллегория панславизма, созданная Колларом, неоднократно воспроизводилась в программах славянских партий и общественных движений, превратилась в их политическое кредо. Коллар использовал образ могучего дерева, каждая ветвь которого символизировала группы славянских народов: “Славянский народ и культура подобны дереву, которое делится на четыре большие ветви, каждая ветвь цветет и дает собственные плоды, каждая касается и обнимает ветви другие, и все они произрастают из одного корня, и вместе образуют единую крону, но ни одна из них не может засохнуть или обломиться, ибо тем самым целое дерево станет червоточить”⁷. Согласно Коллару, единственно возможная форма интеграции славян – это “разнообразие в гармонии”. Новое понятие “славянская взаимность” символизировало право каждого славянского народа на культурное самоопределение. Его трактат пронизывала мысль о приоритете национального над общеславянским: “каждое славянское наречие черпало новые жизненные силы из другого наречия, омолаживалось, обогащалось, становилось все более образованным, но не вмешивалось бы в систему другого языка, оставалось бы на собственный почве... Каждый останется под своим кровом, имея дома то, что мог бы получить у соседа... ибо взаимность остановит стремление к соединению с другими славянами или хотя бы сильно его ослабит”⁸.

Коллар, находясь под влиянием немецкой философии романтизма, особенно Фихте и Гердера, считал, что скоро германо-романские народы передадут свою миссию славянам, начнется “новая эпоха для новой или омолаживающейся образованности”. Отсюда его идея об особом культурно-историческом типе, который образуют славянские народы. Некий “голубиный народ”, обладающий глубокой религиозностью, трудолюбием, “невинной (безгрешной) веселостью”, любовью к своему языку и терпимостью к другим. Коллар создал собирательный образ народа, который, по его убеждению, предопределен к обновлению европейской цивилизации⁹. Следует обратить внимание, что в 1853 г. в издании трактата Коллара на чешском языке переводчик Я. Томичек самовольно заменил в тексте слово “панславизм” на “всеславянство”¹⁰. Смысл не был искажен, но это дало повод утверждать, что Коллар никогда не признавал панславизма. Хотя в немецком первом издании слово “панславизм” употреблялось неоднократно¹¹.

Первая версия “истинного панславизма” была генетически связана с идеей “культурной немецкой нации” и набиравшим силу в 1830-е годы пангерманским движением. Во многом она копировала идеи немецких патриотов, призывавших к объединению разрозненных “немецких народов” на основе общего языка и культурных ценностей. В их среде были популярны представления о духовной взаимосвязи всех, кто говорит и думает на немецком языке. Но Коллар, переосмысливая немецкий опыт, пошел другим путем. Провозглашенный им принцип “разнообразия в гармонии” имел ключевое значение для создания славянских наций в будущем. Во главу угла им было

⁶ *Kollar J. Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen der verschiedenen Stämmen und mundartender slawischen Nation. S. 14.*

⁷ *Kollar J. O literární vzaemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečimi slovanského národu od Jana Kollara. Praha, 1853, s. 29.*

⁸ *Kollar J. Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen der verschiedenen Stämmen und mundartender slawischen Nation, S. 7–8.*

⁹ *Kollar J. Dobré vlastnosti národu slovanského. Pesth, 1831, S. 501, 510.*

¹⁰ *Kollar J. O literární vzaemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečimi slovanského národu od Jana Kollara.*

¹¹ *Kollar J. Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen der verschiedenen Stämmen und mundartender slawischen Nation, S. 14.*

поставлено категоричное неприятие любого проекта унификации. Умозрительное строение общеславянской (панславистской) общности возводилось на фундаменте национальной самобытности.

Такая конструкция заранее обрекала любые общие проекты на провал. Но именно эта культурная утопия “всеславянства” была быстро усвоена различными кругами славянских патриотов, поскольку не содержала требований ограничить собственные интересы в угоду общим целям. В этом заключалась сила и слабость “истинного панславизма”. Он так и не смог стать основой интеграционного движения австрийских славян. Все попытки создать “общеславянский фронт” в австрийском парламенте и публичной политике на протяжении XIX – начала XX в. оказались несостоятельными. Возникали лишь тактические союзы и то на короткое время. Слишком сильными были национальные приоритеты, которые так доходчиво обосновал Коллар. Любые устремления к более тесному объединению наталкивались на опасение славянских политиков потерять свою национальную самобытность. Подобный “национальный эгоизм”, свойственный зарождавшимся славянским нациям в Австрийской империи, не был особенным явлением. Малочисленные народы веками испытывали культурную ассимиляцию со стороны сильного имперского ядра и только в XIX в. смогли постепенно прийти к осознанию своей индивидуальности. Эти ростки приживались на тонком слое национального самосознания, который могли легко разрушить как внутренние, так и внешние воздействия. Неудивительно, что славяне воспринимали любые идеи интеграции как посягательство на свое право быть уникальными.

Русский славист А.Н. Пыпин в книге “Панславизм в прошлом и настоящем” точно описал состояние, в котором находились австрийские славяне. “Истинный панславизм”, по его наблюдениям, давал “нравственную энергию ослабевшему и запуганному обществу”, “был одной из попыток патриотических сил вывести свой народ из состояния апатии”, руководствуясь “инстинктом народного самосохранения”¹². Но неожиданно для славянских интеллектуалов понятие “панславизм” получило новое осмысление, о котором они и не помышляли.

УГРОЗА ПАНСЛАВИЗМА ИЛИ “ВИЗАНТИНИЗМ”

Почти одновременно с появлением “истинного панславизма” в Европе стал распространяться иной взгляд на панславизм, далекий от сладких всеславянских мечтаний. Немецкая либеральная журналистика взяла на вооружение рассуждения о “панславистском ориентализме”, забыв о том, что полемика ученых-славян Копитара и Шафарика велась не о политике, а о подлинности славянских средневековых рукописей. Над германоязычной Европой поднялся призрак панславизма. Как и современный ему призрак коммунизма, он оказался на удивление живучим, основанным на негативных стереотипах в отношении славян и Российской империи, которая воспринималась как оплот славянства. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. угроза панславизма с завидным постоянством пугала читателей европейских газет и журналов.

В немецкой, австро-немецкой и венгерской среде существовало глубокое предубеждение против славян¹³. Английские и французские публицисты разделяли в основном это мнение, но с меньшим эмоциональным напряжением. Первые политические дискуссии о панславизме с резким отторжением всего “славянского” пришлись на 1830-е годы и достигли своего апогея во время европейских революций 1848–1849 гг. Европейские либеральные и национал-демократические круги не делали различий между “реакционными славянами” и “русским деспотизмом”. К. Маркс и Ф. Энгельс со страниц “Новой рейнской газеты” призывали к пангерманскому революционному

¹² Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913, с. 52.

¹³ Wolman F. Slavismy a antislavismy za jára národu. Praha, 1968, s. 73–75, 317–367; Groh D. Russland im Blick Europas. Frankfurt a.M., 1988, S. 328–343.

маршу против “осколков реакционных народов в Австрии” и царской России¹⁴. Очередной всплеск славянофобии пришелся на время Крымской войны 1853–1855 гг. и продолжался все 1860-е годы. На рубеже 1870–1880-х годов тема панславистской угрозы вспыхнула с новой силой и оставалась в фокусе европейского внимания вплоть до Первой мировой войны, которая в австро-германской пропаганде представлялась как “битва германства против славянства”.

В социальной психологии проблема страха, основанного на чувстве внешней опасности, занимает особое место¹⁵. Иррациональное чувство страха легче всего усваивается на коллективном уровне. Осознание общей угрозы оказывает сильное мобилизирующее воздействие. Коллективная консолидация невозможна без противопоставления “свой” – “чужой”¹⁶. Фантом панславизма был необходимым не только для консолидации немецкой и венгерской наций, но и для пропаганды общегосударственных ценностей монархии Габсбургов¹⁷. В обоих случаях “панславизм” десятилетиями воспроизводился как угроза национальной и государственной безопасности. Причем одновременно и как внутренняя, и как внешняя угроза. Но и в славянской публицистике также нагнеталось чувство опасности; на этот раз – против пангерманистов и сторонников мадьяризма. Немцы и венгры объявлялись “врагами всего славянства”. Эти встречные процессы создавали особое поле напряжения человеческих страхов и эмоций, которое вращалось вокруг жизни и смерти, поднимая символическую ценность своих молодых наций как защитниц от внутренних и внешних врагов.

Имитационный панславизм предрекал неизбежное кровавое столкновение между славянством и германством. Этот тезис, появившийся в текстах немецких либералов 1840-х годов, оказался на редкость живучим. Панславизм постепенно превращался в самореализуемое пророчество. Накануне Первой мировой войны о фатальном столкновении между славянством и германством уже открыто говорили при дворах кайзера Вильгельма в Берлине и царя Николая II в Петербурге¹⁸.

ПАНСЛАВИЗМ И РЕАЛЬНЫЕ “СЛАВИЗМЫ” В АВСТРО-ВЕНГРИИ

Современный российский историк А.С. Мыльников подчеркивает, что идеи “славянской языково-генетической (суперэтнической) общности” отражали “в умах идеологов недостаточную зрелость в славянской среде индивидуального национального самосознания, которое, особенно в патриотических кругах, нередко смешивалось с общеславянским (преимущественно у словаков, словенцев, отчасти у хорватов, сербов, чехов и т.д.)”. По мере укрепления формировавшихся наций всеславянство вступало

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Статья из “Neue Rheinische Zeitung” 1 июня – 7 ноября 1848. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 5, с. 83–85; 160–162; 212–215; 391–393; 401–402; 488–489; 490–491; 492–494; *их же*. 9 ноября 1848–19 мая 1849. – Соч., т. 6, с. 175–180; 208–209; 289–306; 357–359; 409–412; 550–560; Маркс К. Россия использует Австрию. Варшавский конгресс. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 183–186; Энгельс Ф. Начало конца Австрии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 471–478; *его же*. Революция и контрреволюция в Германии. Гл. VIII. Поляки, чехи и немцы; Гл. IX. Панславизм. Шлезвиг-Гольштейнская война. – Избранные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса в 3-х т. М., 1983, т. 1, с. 355–362; *его же*. Большой человек Австрии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 132–135; *его же*. Австрия. Развитие революции. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 242–245.

¹⁵ Scheffler T. Gewalt, Gemeinschaftsbildung, Öffentlichkeit. – Ethnizität und Gewalt. München, 1992; Wörterbuch der Ethnologie. Wuppertal, 2000, S. 118.

¹⁶ Нойманн И. Использование “Другого”. М., 2002, с. 52; Shapiro M.J. Reading the Postmodern Polity: Political Theory as Textual Practice. Minneapolis, 1992, p. 460.

¹⁷ Groh D. Russland im Blick Europas. Frankfurt a.M., 1988, S. 278.

¹⁸ Павленко О.В. Геополитическое проектирование “большой европейской войны” в 1910–1914 гг.: российский ракурс. – Вестник РГГУ. Серия “Международные отношения. Регионоведение”, 2012, № 7, с. 18–19.

в противоречие с реальными процессами и “становилось анахронизмом”¹⁹. Эта упрощенная схема вошла во многие исследования и даже учебники. Но как тогда объяснить, что этот “анахронизм” постоянно воспроизводился в идеологии этих молодых наций в начале XX в.?²⁰ Их политические программы включали идеи австрославизма и австрофедерализма, культурно-национальной автономии, подкрашиваясь при этом общеславянскими цветами. Чешский ученый Г. Морава определил стратегии выживания “малых” народов как “концепции центральноевропейской безопасности”²¹.

Для “малых” народов Европы “австрийский дом” был надежной и стабильной формой сосуществования. Но только при условии равных национальных прав и возможностей, реализация которых виделась в будущей федерализации. Чем меньше оставалось надежд на реформирование Австро-Венгрии и получение автономного статуса, тем сильнее проявлялась тенденция к поиску радикальных альтернатив. Чем интенсивнее развивалось движение, тем более активными и оппозиционными становились его лидеры. Отметим, что особых возможностей для поиска новой парадигмы национальной государственности, либо выдвигать эрзац-идею замены Австрии на другое, не менее сильное государство. В среде австрийских славян идеи национальной государственности, хоть и высказывались отдельными политиками, не имели общей поддержки вплоть до Первой мировой войны²².

Другая причина притягательности австрофильства заключалась в социальном составе патриотических сил. Ни чешскому, ни словацкому, ни словенскому или русинскому движениям не был свойственен аристократический блеск. В отличие от венгров, поляков, австрийских немцев эти движения были сельскими по своему составу; только у чехов преобладало городское население. В словенском, словацком и хорватском движениях доля участия городского и сельского населения во второй половине XIX в. была примерно равной. При этом наиболее активными являлись представители духовенства и учителя основных и средних школ²³. В формировании коллективной идентичности сталкивались две тенденции – буржуазная, предпринимательская, ориентированная на либерализацию общественных институтов, и консервативная, для которой были характерны традиционалистские ценностные ориентиры и боязнь любых потрясений. Вторая тенденция была гораздо сильнее выражена в широких слоях вдали от бурлящих столиц коронных земель монархии.

В материалах славянских съездов в России в 1867 г., Праге в 1868 г., съездах славянских журналистов 1898–1912 гг., неославистском движении, представленном съездами в Праге в 1908 г. и в Софии в 1910 г., отчетливо прослеживается сочетание двух тенденций – австрославистской и панславистской (всеславянской)²⁴. Наряду с призывом к общим целям, каждая национальная делегация стремилась утвердить собственные интересы под общеславянским знаменем. Всякий раз их позиция определялась национальным прагматизмом и австрофильством, потребностью обратить на себя внимание европейского общественного мнения. Австрийские славяне хотели быть не только чехами, словаками, словенцами, хорватами, русинами, не только славянами, не только австрийцами, но и полноправными европейцами.

¹⁹ Мильников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания XVIII–XIX вв. СПб., 1997, с. 100.

²⁰ Moritsch A. Vom Ethnizität zur Identität. Wien, 1992, S. 5–27; Kořalka J. Češi v Habsburské říši a v Evropě. 1815–1914. Praha, 1996, S. 40–52.

²¹ Morava G. Palacky, Čech, Rakušan, Evropan. Praha, 1998, s. 200–201.

²² Павленко О.В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX века: политические мифы имперской власти. – Новая и новейшая история, 2014, № 1.

²³ Hroch M. Evropská národní hnutí v 19. Století. Praha, 1986, s. 295–355, 103–146; Moritsch A. Die nationale Differenzierung in Kärnten in der Zeit Matja-Ziljiski. – Die slawische Idee. Bratislava, 1992, S. 130–131; Hroch M. Das Europa der Nationen. Die modern Nationsbildung im europäischen Vergleich. Göttingen, 2005, S. 201–217.

²⁴ Славянское движение. М., 1998, с. 57–200.

В критические периоды национальной интеграции в ряде славянских движений на первый план выступало русофильство. Панславистская тенденция начинала преобладать над австрославистской, более того, резко противопоставляться ей. Это наиболее заметно в славянских землях, находившихся после дуализма 1867 г. под эгидой Венгерской короны. Панславизм Л. Штура в 50-е годы XIX в., равно как и славянский мессианизм М. Ходжи, С.Б. Гробоня, “гласистов”, всеславянские представления С.Г. Ваянского, определялись, по существу, стратегиями национального выживания²⁵. Экзистенциальный опыт заставлял искать компромисс между австрофильством и русофильством, между австрославизмом и панславизмом. Русофильство, всеславянская ориентация становились все более демонстративными. Когда вводился австро-венгерский компромисс 1867 г., в чешских землях началась кампания за изучение русского языка; во время народных гуляний исполнялся русский гимн; разворачивалась шумная пропагандистская акция вокруг чешских изданий книг Н. Данилевского и Р. Фадеева²⁶. В 1880–1890-е годы в Австро-Венгрии возникло “прогрессистское движение”, распространившееся в радикальных студенческих кружках среди средней городской интеллигенции. На первый план выдвигалась идея федерализации, достичь которую можно было только при поддержке со стороны России. В материалах этого движения было много панславистского пафоса, искренних прорусских симпатий и надежд на победу в “общеславянском деле”²⁷.

Общеславянская атрибутика активно использовалась вплоть до Первой мировой войны, чтобы обосновать свою лояльность Вене и желание видеть Австрию – “матушкой австрийских славян”²⁸. Всякий раз, когда политические требования славянских партий не удовлетворялись правительством, в национальной прессе возникала дихотомия: “мать Россия” и “мачеха Австрия”. Если политическая конъюнктура изменялась, дихотомический ряд сразу менялся. Увлечение панславизмом и даже панрусизмом вспыхивало, как правило, в критические моменты национальной борьбы. Когда наступала относительная стабилизация, “всеславянство” отодвигалось на второй план. Национальные лидеры стремились соответствовать веяниям времени. Движения австрийских славян, строившиеся, как правило, на принципах легальности и лояльности, были слишком умеренными на фоне динамичного и драматичного “национального вопроса” в Европе.

Длительное время “панславизм” служил австрийскому правительству в качестве своеобразного заместителя радикальной оппозиции. Панславистское фрондерство патриотической публицистики и “ревнителей славянства” придавала этой псевдо оппозиции видимость радикальности. Парадокс ситуации заключался в том, что славянским идеологам было выгодно, чтобы в Вене, Прессбурге (Братиславе), Пеште сохранялись представления об угрозе панславизма. Потенциал страха, заложенный в этом понятии, продолжал использоваться для шантажа австрийского правительства вплоть до Первой мировой войны. Кроме этого, панславизм, как утопический символ славянской интеграции, являлся источником создания позитивных стереотипных представлений славянских народов Австрии о самих себе, игравших важную роль в процессе становления национального самосознания. Благодаря огромному “всеславянскому масштабу” можно было выгодно подчеркнуть собственные национальные достоинства: “Мы, чехи, самые образованные из всех славян”, “Мы, словаки,

²⁵ *Ivantyšinova T.* Die slawische Idee bei den Slowaken in der zweiten Haefte des 19. Jhd. – Die slawische Idee, S. 24–37.

²⁶ *Žaček V.* Doznívání myšlensky slovanských sjezdu po roce 1867. – *Slavia*. Praha, 1981, s. 395–407.

²⁷ *Štastný V.* Počátky tzv. pokrokového hnutí slovanských národu habsburské monarchie v 80. A 90. letech 19. Století. – *Slovansky Přehled*. Praha, 1977, s. 143–161.

²⁸ *Павленко О.В.* Зарубежная историография габсбургской монархии XX – начала XXI века. – Новая и новейшая история, 2013, № 2.

открыли миру славянскую идею”. Панславизм австрийских славян компенсировал сознание собственной малочисленности уже тем, что за ними “стоит сила 80-миллионного славянства”²⁹.

ИМПЕРСКИЙ ПАНСЛАВИЗМ

Особое место в истории панславизма занимают представления о доминирующей роли России в славянском мире. Эти идеи, ориентированные либо на расширение сферы морального влияния России, либо на создание славяно-российской империи, в историографии были объединены под общими названиями – “большой панславизм”, “русский панславизм”, “имперский панславизм”.

Возникновение и развитие панславизма в России было типичным проявлением модерна. Эпоха модерна напоминала гигантский плавильный котел, в котором выплавлялись новые формы государственных и межнациональных коммуникаций. Европейские нации проходили через соблазны расширения своего жизненного пространства. Эти идеи возникали в эпоху глобальных макроэкономических, геополитических и культурных сдвигов. Индустриальные державы стремились максимально расширять сферы влияния, а система международных отношений уже не могла эффективно сдерживать их амбиции. Балансы сил разрушались не только на европейском континенте, но и на всем колониальном пространстве. Возникали британские, французские, североамериканские, германские варианты геополитической экспансии. Европейские общества были увлечены расовыми теориями и проектировали пространство “своего мира” далеко за пределами собственных государственных границ³⁰.

Российский панславизм не был исключением; его распространение отвечало этим веяниям. Как правило, геополитические проекции включали разнообразные элементы этатизма. Имперский панславизм по своей сути представлял одну из разновидностей политического консерватизма, когда в один узел были крепко связаны идеи о мировом величии России, убежденность в исконной враждебности Запада, утопическое представление, что все зарубежные славяне любят Россию и жаждут с ее помощью освободиться от своих “оков”. Не одно поколение интеллектуалов, политиков, офицеров и аристократов в России было вовлечено в круг этой консервативной утопии. Несмотря на зримые свидетельства “национального эгоизма” со стороны зарубежных славян, которые не скрывали своих стремлений проводить собственную политику и менять ориентиры в зависимости от текущих интересов то на Петербург, то на Вену или Берлин, то на Париж или Лондон. Дипломатическая ситуация вокруг славянского вопроса резко менялась, как погода на морском побережье. В начале XX в. великие державы, по сути, оказались заложниками амбиций малых балканских государств, которые ловко использовали их противоречия, лавируя и пытаясь максимально выторговать себе наиболее выгодные условия. Представления об определяющей роли великих держав сильно преувеличиваются, когда речь идет о большой дипломатической игре на Балканах.

Тем не менее значительная часть образованного русского общества продолжала искренне или по инерции верить в великую славянскую миссию России и приветствовать любые проявления солидарности с “угнетенными и единоверными братьями-славянами”. Изучать это явление необходимо не только для того, чтобы делать выводы о его роли во внутренней и внешней политике России, но и для осмысления сложного

²⁹ *Лебедева О.В.* Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма. – Социально-политическая борьба в странах Европы в средние века и новое время. Йошкар-Ола, 1990, с. 130–144.

³⁰ *Porter A.* European Imperialism. 1860–1914. – *Studies in European History*, 1994, p. 69–77; *Kroll F.L.* Industrialisierung und Imperialismus. – *Chronik des 19. Jahrhunderts*. Augsburg, 1996, S. 575–577.

процесса самопознания российского общества, попыток его самоопределения в общей европейской системе.

Значительную роль в генезисе имперского панславизма сыграли трактаты поэта Ф.И. Тютчева, более 20-ти лет проработавшего в русской дипломатической миссии в Мюнхене. Его сочинения “Россия и Германия” (1844 г., Мюнхен), “Россия и революция” (1849 г., Париж) были изданы анонимно и вызвали бурную дискуссию в западной либеральной прессе³¹. В июне 1849 г. Тютчев вернулся в родовое имение Овстуг, где увлеченно работал над трактатом “Россия и Запад”, который так и не был завершен. В этой рукописи были сконцентрированы основные идеи, которые легли в основу имперского панславизма. Тютчев делился ими в переписке с зятем, публицистом славянофильского толка И.С. Аксаковым, ведущими интеллектуалами-консерваторами М.Н. Катковым, издателем “Московских Ведомостей” историком М.П. Погодиным, журналистом А.А. Краевским. Тютчев пробовал обрисовать контуры “идеальной Российской империи”. К официальной доктрине российской государственности было прибавлено еще одно звено – “славянство”. Тютчев писал: “Империя едина: Православная церковь – ее душа, славянское племя – ее тело. Если бы Россия не пришла к империи, то она зачахла бы”. В трактате “Россия и Запад” была выведена трехступенчатая формула будущего: 1) Россия в ее нынешнем состоянии; 2) “империя Востока” – т.е. включение балканских земель в состав России и окончательное решение восточного вопроса; 3) достижение мирового господства – “мы приближаемся к Вселенской монархии, то есть восстановлению законной империи”. По мнению Тютчева, в этом была суть мировой миссии России. Важнейшим шагом для ее осуществления поэт считал абсорбцию (поглощение) Австрии³². В набросках к главе “Австрия” Тютчев доказывал нежизнеспособность Австрии и делал вывод: “вопрос для австрийских славян сводится к следующему: либо оставаться славянами, сделавшись русскими, либо оставаться немцами, оставаясь австрийцами”. “Стать русскими”, по его убеждению, означало принять православие и русский язык.

Соединяя славянскую и имперскую идеи, Тютчев сознательно усиливал дихотомию “Россия – Запад”. В среде консервативно настроенных русских интеллектуалов росло стремление оградить “исконные ценности” и распространить их на весь славянский мир. Речь шла об особой логике геополитики: Россия – центр славянства; Австрия – препятствие к вожделенному всеславянскому воссоединению. Русские консерваторы были убеждены в преимуществе российского государственного порядка. Импульс развитию имперского панславизма в России был дан Крымской войной, когда Россия осталась один на один с враждебной коалицией европейских держав, объединившихся с Османской империей. Героическая оборона Севастополя и вынужденное отступление, затопление кораблей Черноморского флота русскими моряками, последующая дипломатическая изоляция произвели огромный сдвиг в общественном сознании России. Зерна идей враждебности Запада легли в подготовленную почву. Российское общество готово было воспринять панславизм как средство самозащиты от западной угрозы. Славянофильский постулат о противоположности двух цивилизационных начал воспринимался не только как гарантия славянского мира от революционных катаклизмов, но и код дискурса национальной безопасности. Если в 30–40-е годы XIX в. среди российских консерваторов распространялись образы угасающего Запада, который разъедают революционные движения, индивидуализм, религиозные распри, то после Крымской войны акценты сместились. Упор делался на непримиримую враждебность европейских стран по отношению к России. Это и рождало мысль, что Россия только тогда будет в безопасности, если сама будет “страшна Западу”. Уроки Крымской войны были усвоены.

“Политические письма” Погодина, появившиеся в 1853–1856 гг., по свидетельству современника, “в тысячах экземплярах облетали Россию, везде подвергались

³¹ Тютчев Ф.И. Политические статьи. Париж, 1976.

³² Тютчев Ф.И. Литературное наследство, кн. 1. М., 1988, с. 205–209.

горячему обсуждению”³³. В них ярко проступала идея, изложенная Погодиным в письме к Тютчеву: “Русские Великие князья на престолах Богемии, Моравии, Венгрии, Кроации, Славонии, Далмации, Сербии, Болгарии, Греции, Молдавии, Валахии, а Петербург – в Константинополе”³⁴. Погодин предлагал предоставить автономию Польше в пределах Российской империи, заключить союз с Францией и проводить открытую финансовую и моральную поддержку славянских движений в Австрии и Османской империи. Только тогда “Россия опять станет страшна Западу, вместо того, что теперь страшен ей Запад”³⁵. В целом “Политические письма” представляли собой смесь горечи от поражения в Крымской войне и острой критики современного состояния России, в которую добавлялись рассуждения о необходимости реформ и утопические картины всеславянской империи.

С середины XIX в. началось становление имперского панславизма. Полностью его разделял сначала довольно узкий круг ученых-славистов и публицистов. Доктрина имперского панславизма так и не воплотилась в целостное учение. Уже в 60-е годы XIX в. она распадалась на разные версии. Одни были ориентированы на идею русского языка как общеславянского (Н.А. Попов, А.Ф. Гильфердинг), другие во главу угла ставили идею православия как общего для всех славян религиозного начала (В.И. Ламанский, И.С. Аксаков). Мысли об объединении всех славянских движений под эгидой России находили отражение в публицистике И.С. Аксакова, А.А. Краевского, М.П. Погодина, М.Н. Каткова.

Начало царствования Александра II ознаменовалось новой внешней политикой. Славянское направление было сформулировано с предельной ясностью в отчете министерства иностранных дел за 1866 г. В документе отмечалось, что Россия должна взять на себя “моральное руководство” славянскими движениями, чтобы “использовать в этих целях влияние, по справедливости принадлежащее России в силу ее традиций, географического положения и ее законных интересов таким образом, чтобы исполнить нашу историческую миссию на Востоке”³⁶. Право России “законно выражать интересы балканских славян” подразумевало, что все славяне за рубежом признают общую “славянскую метрополию”. Однако во время Славянских съездов 1867 г. и 1868 г. российские панслависты неожиданно для себя столкнулись с жесткой позицией славянских делегаций, настроенных против объединения под эгидой России. Оказалось, что представление сторонников имперского панславизма о преданных России и угнетенных Австрией и Портой славянах сильно преувеличено. Славянские народы Австрии и Турции преследовали свои интересы и не были готовы довериться России. Более того, они использовали фантом панславизма и русскую угрозу для того, чтобы шантажировать свои правительства и добиваться политических и языковых уступок.

Панславизм в России пережил много острых столкновений между консерваторами и либералами, смену нескольких поколений в славянских комитетах, взрывы общественного интереса и потерю актуальности, ожесточенную полемику с “неблагодарными” славянскими патриотами. За несколько десятилетий накопился богатый опыт в развитии “мягкой силы” на Балканах и в землях австрийских славян. Не только “славянолюбивая” общественность, но и российская дипломатия вела не всегда острожную “игру в панславизм”, в которой великодержавные устремления переплетались с прагматичным расчетом расширить сферы своего влияния. Подчеркнем, что на дипломатическом уровне вопрос о пересмотре государственных границ Австро-Венгрии не

³³ Ашевский С. Политические письма Погодина. – Образование, 1890, № 19, с. 105.

³⁴ М.П. Погодин – Ф.И. Тютчеву. Письмо XVIII. – *Погодин М.П. Сочинения*, т. IV. М., 1874, с. 301.

³⁵ *Погодин М.П.* Записка о Польше. 24 ноября 1856 года. – *Погодин М.П. Сочинения*, т. IV, с. 56.

³⁶ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970, с. 150.

рассматривался. Это был удел только панславистских мечтателей, воспроизводивших проекты великого славянского будущего России.

В конце XIX – начале XX в. начался новый этап развития российско-славянских контактов³⁷. Наиболее полное отражение идеи имперского панславизма получили в сочинении Н.Я. Данилевского “Россия и Европа”. Данилевский попытался вписать панславизм в контекст всемирной истории. Осью его рассуждений была идея культурно-исторических типов, которые в соответствии с биологическими законами, испытывают периоды “роста”, “цветения” и “затухания”. “Славянство” означало для него седьмой культурно-исторический тип, принадлежащий к арийскому семейству. В трактовке Данилевского “Западная Европа находится в апогее своего цивилизационного величия”, за которым должен последовать неизбежный упадок³⁸. Особое внимание он уделял восточному вопросу – “самому грандиозному событию нового времени”, который должен привести к краху Австрийской и Турецкой империй. Данилевский мечтал о создании Славянской федерации “от Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до Архипелага”, охватывающей 125 млн человек. Этот союз осуществлялся бы “под водительством и гегемонией цельного и единого Русского государства”. Перед западной угрозой Россия должна стать “особой самостоятельной политической системой государств, служа противовесом Европы, всей ее общности и целостности”³⁹.

Создание Славянской федерации должно было, по мнению Данилевского, осуществиться в результате русско-европейской войны, направленной на освобождение славянства. В эту федерацию “будут вовлечены все славянские народы, ставшие на искренний прямой призыв России”⁴⁰. Будущее устройство мира виделось ему в разделении сфер влияния между Европой, Славянской федерацией и Северной Америкой. Концепция Данилевского сводилась к идее мирового величия России. Эта же мысль была продолжена в сочинении Р.А. Фадеева, военного, служившего на Кавказе и в Средней Азии⁴¹. Фадеев также был убежден, что славянский вопрос можно решить только силой – “идея панславизма должна стать государственной идеей”.

Эти два сочинения перекликались друг с другом и недаром были переведены на европейские языки. Они послужили для европейцев зримым доказательством “панславистской угрозы”. Примечательно, что оба автора писали свои сочинения в провинции, вдалеке от большой политики. Но они затронули внутренние струны в сознании российского общества, существенно повлияли на формирование дискурса народной геополитики.

Либеральные интеллектуальные силы России восприняли сочинение Данилевского как вызов; поднялась ожесточенная полемика, которая, впрочем, еще больше разогрела интерес к имперскому панславизму. Академик А.Н. Пыпин, двоюродный брат Н.Г. Чернышевского, с особым пристрастием критиковал “российский вариант панславизма”, называя его проявлением “квасного патриотизма” и “плодом крайней национальной гордости”⁴². Для Пыпина это был видоизмененный вариант официальной доктрины “Православие – самодержавие – народность”. Пыпина интересовал

³⁷ *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века. М., 1984, с. 53–68; *её же.* Славянские общества в России в последней четверти XIX века. – Российское общество и зарубежные славяне. М., 1992, с. 33–44; *eadem.* Slovanská otázka v Rusku v poslednej štvrtine XIX storočia. – Slovanské štúdie, 1992, № 1, s. 38–41; *eadem.* Das Problem des Austroslawismus in der russischen öffentlichen Meinung in den letzten beiden Jahrzehnten des 19. Jahrhunderts. – Der Austroslawismus, S. 178–194.

³⁸ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1895, с. 174–182.

³⁹ Там же, с. 437.

⁴⁰ Там же, с. 510.

⁴¹ *Фадеев Р.А.* Мнение о восточном вопросе. СПб., 1870, с. 83–84; 95–97.

⁴² *Пыпин А.Н.* Возрождение и панславизм. – Обзор славянских литератур. СПб., 1865, с. 72–73, 92–98.

“демократический панславизм”, строившийся на идее “национально-образовательной солидарности” славянских народов при соблюдении политического и культурного суверенитета каждого из них. Ученый был убежден, что Россия не готова к осуществлению равноправных межславянских взаимоотношений – “нельзя быть другом славянства и ретроградом у себя дома”⁴³.

В работах либерала П.Н. Милюкова панславизм рассматривался как крайнее проявление “охранительного” типа общественного сознания. Его возникновение он относил к 1860-м годам, когда Крымская война и польское восстание “сокрушили много русских либерализмов”⁴⁴. Под славянофильством он понимал националистический протест против заимствований с Запада и философско-историческую теорию национальной самобытности, к которым относил также и панславистские симпатии⁴⁵. С этих позиций он подходил к труду Данилевского, полностью отрицая его научную и общественную ценность⁴⁶.

Философ Н.А. Бердяев рассматривал проблему панславизма в контексте ментальности российского общества XIX в. Он не разделял мнения о прямой преемственности между славянофильством и “охранительным” панславизмом. Данилевский в его понимании – человек совершенно иной информации, чем московские славянофилы: “Идеи Данилевского были срывом в осознании русской идеи”⁴⁷. Замечая, что “тема власти и об оправданности государства очень русская тема”, Бердяев подчеркивал, что принципиальное отличие между славянофильством и панславизмом состоит в понимании сути власти и ее взаимосвязи с народом⁴⁸.

В работах философа В.С. Соловьева также поднимался вопрос о соотношении славянофильства и панславизма. Являясь противником славянофильской доктрины и критикуя ее за искажение истины христианских начал, Соловьев отчетливо разграничивал “истинное учение” и его “нынешних преемников”. В отличие от Бердяева, предметом критического анализа Соловьева стала “ультрапатриотическая публицистика” Каткова. Соловьев выделял три фазы русского национализма: славянофилы – Катков – “современные обскуранты”. Это соответствовало в его изложении трем ступеням восприятия собственного народа: сначала как “носителя вселенской правды”, затем – “поклонение ему как стихийной силе” и, наконец, “поклонение тем национальным односторонностям историческим аномалиям, которые отделяют наш народ от образованного человечества”⁴⁹. Сочинение Данилевского было отнесено Соловьевым к последней ступени – поклонению “народной дикости”.

Соловьев ставил под сомнение вопрос об авторстве цивилизованной концепции Данилевского. По мнению Соловьева, это был плагиат работ немецкого мыслителя Г. Рюккерта, выдвигавшего идею культурно-исторических типов. Отличие состояло лишь в том, что Рюккерт основывался на равноправии культурно-исторических типов и их множественности в истории человечества, в то время как Данилевский доказывал, что именно русско-славянский тип является наиболее развитым и исторически перспективным.

Иной взгляд на историю панславизма был у историка Н.И. Кареева. Под термином “панславизм” Кареев понимал “славянскую мечту”, направленную “то на создание

⁴³ *Пытин А.Н.* Будущность славянства. О современном положении взаимных отношений славян западных и южных. – Вестник Европы, 1877, XII, с. 828.

⁴⁴ *Милюков П.Н.* Разложение славянофильства. – Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. СПб., 1865.

⁴⁵ *Милюков П.Н.* Славянофильство. – Энциклопедический словарь Ф. Брокгауз, И. Эфрон, т. XX. СПб., 1900, с. 307.

⁴⁶ Там же, с. 314.

⁴⁷ *Бердяев Н.* Русская идея. – Вопросы философии, 1990, № 1, с. 111.

⁴⁸ *Бердяев Н.* Русская идея. – Вопросы философии, 1990, № 2, с. 97.

⁴⁹ *Соловьев В.С.* Славянофильство и его вырождение. – Национальный вопрос в России, вып. 2. СПб., 1891, с. 35.

одного общеславянского языка, то на создание одного общеславянского царства”. Кареев выделял также патриотические увлечения “национальной и вообще славянской стариной”, оптимистические прогнозы относительно будущего “духовного объединения славянства” противоположность славянского и германского миров с предпочтением к “своему, родному, призванному к высшей культуре”⁵⁰.

Анализ этих дискуссий показывает, что в центре внимания их участников была не славянская тема как таковая, а пути развития России. Либеральные и консервативные подходы сталкивались вокруг понимания власти и общества, патриотизма и миссии России в мире. По сути, “панславизм” не имел определяющего значения в бурных спорах о российских ценностях. Скорее, он служил идеологическим стимулом, необходимым для того, чтобы вывести интеллектуальную борьбу на уровень вопросов политической морали. Это соответствовало глубинным потребностям того времени, стремлению понять, что должно составлять основу коллективной идентичности, духовности общества. В случае с “имперским панславизмом” можно констатировать, что эти дискуссии только усиливали дуализм либерального и консервативного подходов. Но одновременно они способствовали распространению “славянолюбивых” настроений в широких слоях русского общества. Консервативные и либеральные круги, борясь друг с другом, внедрили славянскую тему в российскую политическую мысль и общественное сознание.

* * *

Делать выводы о таком сложном явлении в истории международных отношений, как панславизм – исторически преждевременно. Необходимо сопоставление историографических подходов и широкого массива источников из российских и европейских архивов. Методологический взрыв 1990-х годов, внедрение конструктивизма в международные исследования прочертило новую линию горизонта в изучении этого общественно-политического феномена. Краткий обзор, предложенный в данной статье, показывает, что панславизм в России, на Балканах, в Центральной Европе и на Западе развивался разными путями. Его адептов объединяла лишь идея исторической общности славянских народов и особой цивилизационной миссии славян в европейской истории. Но каждая из рассмотренных моделей панславизма имела свои уникальные особенности. “Истинный панславизм”, “имперский панславизм”, “имитационный панславизм”, “австрофильский панславизм” различались по целям, интересам, ценностным ориентирам, геополитическим мотивам и социальным коммуникациям. Разным было понимание роли “России в славянском мире”, отношение к Австро-Венгрии, к другим европейским государствам. Острая конкуренция между различными славянскими центрами и недоверие западных и южных славян к России не позволило сформировать мощное единое панславянское движение. Панславизм так и не стал реальным геополитическим проектом.

⁵⁰ Кареев Н.И. Славянское возрождение, панславизм и мессианиззм. – История западной Европы в новое время, т. V. СПб., 1903, с. 405, 418–421.